

ЗУЛЬФИЯ ВАРИТ ЩИ

Вадим Чекунов

О романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза». Часть 1.

Эту книгу меня уговорил прочесть литератор и публицист Захар Прилепин. Мнению мэтра я начал доверять после его горячей агитации в поддержку ни дня не служившего в армии «русского офицера» и графомана-истребителя, некоего Дёгтева. На меня оказала сильное влияние и прилепинская книга «Взвод», из которой я узнал много нового и интересного о Пушкине – как тот, переодевшись в военную форму, нещадно бил турков – рубил саблей, колот казацкой пикою, из нее же, пики, стрелял в басурман-каваллеристов и вообще приступом брал вражьи города...

Поэтому когда я наткнулся на слова Прилепина о книге Яхиной: «Чисто по-человечески это очень хороший роман. Убедительный, серьезный, глубокий» - сразу решил прочитать, в надежде, что и в этот раз литератор Прилепин меня не обманет.

Ожидания оправдались сполна, за что спасибо сразу обоим авторам.

Писательница Яхина похожа на администратора зала Сбербанка, чье хобби и дополнительный заработок - писание сценариев для отечественного сценариста. В 2015 году наша трудолюбивая авторесса взяла и написала «большую книгу» по мотивам своих сценарных стараний. Эту самую «кинематографичность», выглядывающую из яхинского текста, словно фашист из окопа, некоторые сервильные рецензенты пытаются преподнести как достоинство, хотя вообще-то это скорее провальное для хорошего текста свойство. Потому что это плохо, когда ради «картинки» автор готов отца-мать и правду жизни продать, не моргнув глазом. Чем, кстати, Яхина весь текст и занимается. Однако набегающие на ее глаза слезы сочувствия к своим персонажам она смаргивает, то есть искренне, как и полагается графоману, переживает за все происходящее в ее тексте, даже самое абсурдное. Чего нельзя сказать о требовательном читателе, к сожалению. Потому что сочувствовать никому и ничему в книге у него не получится.

Главную героиню романа «Зулейха открывает глаза» зовут, как нетрудно догадаться, именно Зулейхой. Довольно долго и подробно авторесса описывает нелегкие #трудоые будни некрупной татарско-крестьянской женщины, живущей в абсолютном подчинении у огромного татаро-кулака мужа и старухи-свекрови по кличке Упыриха. Яхина старательно нагнетает, рассказывая об ужасах деревенской жизни, не скупясь на «кинематографичную картинку» (об этом приеме мы еще поговорим). Зулейхе живется нелегко. Ночной горшок, куды свекровь от души нагадила, надо успеть вовремя вынести, потом двор расчистить от снега, мужа накормить завтраком, за дровами с ним в лес съездить, ужин приготовить, подтопить печь в хлеву, задать животным, жеребенка к кобыле отвести, мужу подушку взбить... Еще и мать его, Упыриху, в бане искупать. А потом мужа обслужить, на ночь глядя. А перед этим покорно принять мужнины побои метлой по спине. Деревенская женская доля в представлении банковской операционистки-сценаристки беспросветна и ужасна. Вот и старается Яхина всю, но у нее это выходит очень плохо.

Потому что для самой героини вся эта движуха – заурядная рутина. Она все воспринимает как само собой разумеющееся, грустит и переживает от происходящего не больше, чем старая кобылка от окрика и взмаха вожжами. У героини на все имеются свои объяснения, которые даже не утешают ее, а просто поясняют ей же самой всю обыденность происходящего.

Ну и, спрашивается, чего?

Как сочувствовать персонажу, который туп и покорен судьбе, который сам борется за изменение своей судьбы даже не помышляет? Никаких порывов, никакого протеста, никаких мечтаний о свободной или хотя бы просто новой жизни. Ни-че-го.

Поначалу я думал, что это такой тонкий художественный приём, и я все равно должен героиню пожалеть. Ну, вот как порой жалеет читатель бессловесных забитых лошадок, безногих собачек и замерзающих на улице в Сочельник маленьких девочек. Но нет, к сожалению, это оказалось совершенно другим – это общая эмоциональная тупость текста, которую авторесса пытается припорошить двумя доступными ее таланту средствами – «кинематографичной картинкой» и слезливой сопливостью.

Под первым имеется ввиду не красота и живость «картинки», а ее удручающая шаблонность. И к гадалке ходить не надо, что у ссыльного интеллигента на шее будет нитяной шарф, скрутившийся в веревку толщиной с карандаш, а на носу – пенсне. Не просто пенсне, а непременно треснувшее – для жалости. Муж-кулак просто обязан быть свиреп, вонюч и волосат (хотя бы на теле), с тяжелой поступью и звериным храпом. Уголовник окажется прикомандированным в яхинский текст прямиком из недорогого отечественного телесериала – то есть пародией на пародию, что всегда заведомо провально. Хотите увидеть Казань образца 1930 года? Будет вам «красочная картинка», куда не ведающая чувства меры авторесса напихает всего, чего нахваталась бознамо где,

не особо вникая. Этим она здорово напоминает другого атмосферного писателя, Алексея Иванова, который тоже, по собственному признанию, одной рукой пишет текст, а другой в это время шарит в Сети на предмет «как оно там всё было», а потом выдает поток несусветных глупостей в эфир... То есть в текст.

Яхина от Иванова, как вишенка от яблока, недалеко укатывается. Причем она умудряется выдавать на-гора комбинированный прием – и писать несусветную чушь, и путаться в собственном тексте.

Начинает она чудить мягко, с незначительных вольностей и фантазий.

Вот Зулейха и ее звероподобный муж Муртаза едут в лес за дровами, дождавшись просвета в январской погоде – утренняя метель кончилась, а вечерняя еще не началась. Пусть так, пусть у Муртазы вся деревенская опытность в рост и силу ушла, и в погоде он ни бельмеса не смыслит, хотя даже многие дачники за пару месяцев неплохо начинают разбираться в погоде и предсказывать ее. Я готов смириться и с тем, что Муртаза с осени дров не запас как следует, и теперь частенько ездит по зиме валить дерево в лес – одно за поездку. Березу он срубает, забравшись на снегоступах от дороги и саней в лес подальше. Там же, по пояс в снегу, он поваленное разделяет топором на несколько бревен. Пусть так – ведь Муртаза подчеркнуто силен, огромен, такой и лом зубами перекусит, если надо будет, и утонувшее в снегу дерево покромсает на части живенько и скоренько. Кстати, жена его, Зулейха, березу руками сучкует – правда, авторесса милостиво уточняет, что лишь тонкие ветки руками обламывала героиня, а толстые муж все же обрубил топором. Далее хворост и бревна по заснеженному лесу перетаскиваются в далеко оставленные сани. Ну что ж, пусть так, ведь береза дерево легкое, воздушное, а Муртаза могучий, он и один перетаскал бы бревна. В зубах, опять же. Шварценеггер из «Коммандо» вообще без саней домой бревно носил, и ничего – всех победил потом.

Но вернемся к роману.

Внутренний мир Зулейхи весьма любопытен. Она, разумеется, неграмотная, ни на каких языках читать не умеет. Но когда в окно их избы влетает камень, завернутый в листовку, то она ясно понимает надпись «Уничтожим кулака как класс!». При этом авторесса напоминает нам, что читать-то Зулейха не умеет, но она просто догадывается, что нарисованный на листовке трактор вот-вот раздавит ее мужа-кулака. Соответственно, и надпись понятна ей.

Методика обучения интуитивному чтению имени Гузель Яхиной, спешите на запись.

Из своей деревни Зулейха никуда не выезжала за всю свою жизнь, только в лес и на кладбище, хотя ей и хотелось на Казань хоть одним глазком взглянуть. Политикой ей заниматься тоже вроде бы некогда – работы полно. Но каким-то образом ей напихано в голову много всякого злободневного:

«У этих лиц было много имен, одно другого непонятнее и страшнее: хлебная монополия, продразверстка, реквизиция, продналог, большевики, продотряды, Красная армия, советская власть, губЧК, комсомольцы, ГПУ, коммунисты, уполномоченные...

Зулейхе сложно давались длинные русские слова, значения которых она не понимала, поэтому называла всех этих людей про себя – красноордынцами».

Сложно-то сложно давались, да все без запинки взяла и перечислила, как прилежная студентка. А через страницу еще и про НЭП вспомнила, правда, посчитав название это «смешным». Я в татарском не силен, но, может, и впрямь с чем-то смешным созвучно, с каким-нибудь «пук», например. А там, глядишь, и ЛЭП в деревне появится (советская власть к электрификации страны серьезно относилась), так вообще героиня обхохочется. Глядишь, и жизнь наладится.

Желание увидеть Казань у героини сбывается самым чудесным образом: красноордынцы убивают ее мужа-Муртазу, а ее саму раскулачивают и отправляют для начала в столицу Красной Татарии, в пересыльную тюрьму. Глава так и называется: «Казань». И мы город видим однозначно глазами героини - об этом нам говорят и ее восклицания «и Алла!», и удивления всяким диковинам вроде настоящего верблюда, которого она, разумеется, видит впервые, а узнает о том, что это диво называется «верблюд» исключительно из возгласов посторонних людей. Взгляд ее цепляется за полуголых мужиков и девиц, держащих «на своих мускулистых плечах тяжелые карнизы». «И Алла, срам какой!». Да, таких архитектурных излишеств в ее родной деревне нет, поэтому такая реакция, хоть в этом моменте авторессе удалась правда жизни.

Зато наша Зулейха прекрасно разбирается в другом. Она разглядывает прохожих и видит в их руках: «папки, портфели, тубусы, ридикюли, букеты, торты».

Ну, это понятно – с папкой муж-Муртаза частенько ходил на работу в поле, в портфеле Зулейха сама носила корм животным в хлев, в ридикюле зерно для кур носила, а с тубусами все деревенские татары традиционно ходят в лес по грибы-ягоды, удобная вещица ведь...

Но разве не раскулачивали? Разве не в этом пафос произведения?

Раскулачивали, еще как. Крестьяне поднимали восстания, а за ними восставали и рабочие.

Но, во-первых, что может знать об этом Яхина. А вот что он знает: в моду вошло в любой текст втыкать ВЧК-ОГПУ-НКВД, с стих ли, в рассказ ли, в роман-ли, есть у Булгакова эти ВЧК-ОГПУ-НКВД, нет ли - плевать, ибо мода. И Яхина этой может следовать. Хотя кулак – это не просто зажиточный, а тот, кто использует батраков. И не сажали раскулаченных в тюрьму, их ссылали. Поклонники усатого должны быть благодарны Алексеичу Улицкой, Латыниной, Яхиной и многочисленным другим: ибо бездарностью и враньем в свих текстах они множат поклонение усатому в массах стократ.

«Ветер вырывает из рук худенького очкастого юноши стопку нот».

Тут тоже нет вопросов – вернувшись с поля с тортом в руках, муж-Муртаза, откинув фалды суконного чекменя, сажался за рояль посреди избы, играл Шопена, а верная жена стояла рядом и нотные листы переворачивала. Ведь каким-то образом она знает, что это именно ноты улетели у казанского очкарика...

По мере чтения яхинского текста золотое треснувшее пенсне на моем носу покрывается испариной.

Помните о навыках интуитивного чтения героини? Они развиваются:

«Громящая шестеренками тяжелых колес, катит громадина агитационного трактора, тащит за собой большой треснутый колокол, вокруг которого обвилась кумачовая змея транспаранта: «Перекуем колокола на тракторы!» Кстати, о тракторах и прочем транспорте.

Верблюда не знать – простительно. А вот с трамваем героиня знакома, поэтому и отмечает: «оглушительно звеня, летит огненно-красный, сверкающий латунными ручками трамвай». Ну, Муртаза-то, пока живой был, в поле на работу на трамвае и ездил ведь, известное дело. С папкой подмышкой, ага. Да и сама Зулейха не раз на трамвае в лес и на кладбище каталась, иначе откуда ей знать, что вон тот дядька в трамвае – это именно «свирепый кондуктор»?

Если вы думаете, что жизнь героини в деревне была сплошной чередой грязной тяжелой работы от темна и до темна – ошибаетесь. Было у нее время и телевизор посмотреть. Канал «Культура» в их деревне наверняка ловился. А иначе откуда ей знать, проезжая впервые в санях по Казани, что вон тот красно-белый шпиль торжественный – это шпиль церкви Святой Варвары? Над входом, кстати, там еще есть надпись желтой краской «Привет работникам Первого трамвайного парка!» - ее наша неграмотная героиня прочитает на ходу. Ну, правильно – догадалась, как обычно. Не «Цой жив!» там ведь написано...

Или откуда ей знать, что вот тот дом нарядный – это бывший губернаторский, а ныне там расположен туберкулезный госпиталь? Ясное дело – из просмотра кинохроники в своем деревенском клубе узнала, куда она ходила в те дни, когда мужу не музицировалось.

Еще Зулейха видит, как «нежно белеют колонны Казанского университета» - тут как раз ясно, в ее родном Юлбаше точно такой же стоит, только поменьше и колоннами потемнее...

Но самое любопытное дальше.

«Из круглого часового створа Спасской башни вместо циферблата смотрит на Зулейху строгое лицо: мудрый прищур глаз под соколиными бровями, широкая волна усов. Кто это? На христианского бога не похож (Зулейха видела его однажды на картинке, мулла-хазрэт показывал)».

А этот мулла-хазрэт, доложу я вам, тот еще затейник... Обратили внимание, сколько у нашей героини было свободного времени на самые различные занятия, включая рассматривание сомнительных картинок из коллекции уважаемого муллы-хазрэта?

Любопытно, что помимо просмотра картинок альтернативно-религиозного содержания, энергичная Зулейха находила время и для политинформаций с изучением карты СССР. Этим с ней занимался председатель сельсовета Мансурка-Репей, показывая, как широка родная страна, «от окояна до окояна».

Куда только деспот муж-Муртаза смотрел... Впрочем, каков поп, то есть мулла, таков и приход.

Убедительно, серьезно и глубоко – все, как Захар Прилепин насчет яхинского романа и обещал. От убедительности аж скулы сводит.

Далее – тюрьма. Туда нашу героиню затолкали, уперев ей в спину «лезвие штыка», что бы это ни означало в представлении авторессы.

Иногда нелепости в тексте принимают псевдонаучный характер.

Удивительный филологический пассаж нас ожидает в начале одной из глав.

Происходит переключки в тюрьме. По мнению Яхиной, привыкшей к прочтению имен-фамилий в виде «Татьяна Толстая» или «Людмила Улицкая» на книжных обложках, таким же манером они пишутся и в арестантских списках. Поэтому солдат у входа в камеру и выкрикивает: «Зулейха Валиева!». На что героиня отвечает по уставу: «Я».

И вот тут настает время удивительных лингвистических изысканий. Трудно сказать, чей светлый ум – авторессы или героини – породил их. Но они стоят того, чтобы процитировать:

«За всю жизнь она не произнесла столько раз «я», как за месяц в тюрьме. Скромность украшает – не пристало порядочной женщине якать без повода. Даже язык татарский устроен так, что можно всю жизнь прожить – и ни разу не сказать «я»: в каком бы времени ты ни говорил о себе, глагол встанет в нужную форму, изменит окончание, сделав излишним использование этого маленького тщеславного слова. В русском – не так, здесь каждый только и норовит вставить: «я» да «мне», да снова «я»...

Вот тут из моего и без того потрепанного золотого пенсне выпало одно стеклышко. От удивления. Виной тому отнюдь не мои «глубокие» познания в татарском языке, а всего лишь не до конца еще прохудившаяся память. У авторессы, которая, кстати, моложе меня, с памятью дела обстоят почему-то много хуже. Она путается в собственных показаниях. Ибо первые же реплики Зулейхи в романе буквально напичканы этим самым «я», на каком бы языке она их не произносила:

«Я только горшок мамин вынесла».

«Я и не замерзла совсем!»

«Я уже Сандугач сквозь деревья не вижу»

«Я бы умерла со страху, если бы оказалась там. У меня бы тут же ноги отнялись, наверное»

Не отстает от героини и ее свекровь Упыриха:

«Я долго жить собираюсь».

«Я правду говорю, сама знаешь».

«Я стою на крыльце, смотрю»

«Я с тобой сегодня из бани не пойду»

«Всевышний послал мне нынче сон».

Повторю: совершенно неважно, на каком языке герои говорят, но они «якают» напрапалую с самого начала романа, и об этом следовало бы помнить, прежде чем подпускать в текст свои сомнительные языковые наблюдения.

Выбрасывание «я», кстати, характерно не только для татарского языка, но и для испанского и, уж разумеется, для русского: «не хочу». «не буду», «не был», «можно выйти?», «убью», «прихожу как-то», «говорил тебе» и т.д.

Непонятен ход и со вставками курсивом о дальнейшей судьбе некоторых героев – были в начальной части романа да и сплыли потом, словно авторесса забыла про них напрочь, как часто забывает о написанном ей же. Имеются и другие серьезные «провалы в памяти» по всему тексту – словно текст писался частями не один десяток лет и перечитать предыдущие части не представлялось возможным. Поэтому в романе сначала чекисты обсуждают план борьбы с частной застройкой в поселке, так как вышло постановление об этом, а потом мы обнаруживаем разросшийся этот самый частый сектор и никто даже ухом не ведет...

Тюрьма в романе описана весьма «исторически достоверно».

Про тюрьму нам сообщается, что там, в той же камере, где сейчас Зулейха первую вошь вылавливает, «ровно сорок три года назад сидел молодой студент Императорского Казанского университета». Который вел там себя следующим образом:

«Поначалу, оказавшись в камере, колотил сердитыми кулачками в заиндевевшую дверь, выкрикивая что-то дерзкое и дурацкое. Пел «Марсельезу» синими непослушными губами. Усердно выполнял гимнастические фигуры, стараясь согреться. Затем сидел на полу, подложив под себя свернутую в комок и безвозвратно испорченную жирной тюремной грязью форменную студенческую шинельку, и, обхватив колени онемевшими от холода руками, плакал злыми горячими слезами. Звали студента Владимир Ульянов».

Уточнение насчет того, как звали того студента отнесем к суровым реалиям нынешнего времени, которое заставляет авторов старательно прописывать информацию о том, куда впадает Волга и что кушают лошади. Причем я не уверен, что авторы это делают из снисхождения к умственному состоянию читателей. Нет, это больше похоже на авторское восторженное: «Смотрите, какой любопытный и малоизвестный исторический факт я вам сообщаю!» Сумел же Невзоров в интервью Дудю потрясти того до глубины души заурядными фактами биографии А. Гитлера, о которых модный, но неразвитый интервьюер и понятия не имел.

Вот и Яхина нам важно сообщает про Ульянова. Причем уточняет – «ровно сорок три года назад» зачем-то. Почему это «ровно», когда Ульянов сидел в пересылке всего один (!) день в декабре, а Зулейха там очутилась в январе-феврале, для меня осталось загадкой.

К подмене художественного вымысла глупой ложью насчет поведения Ульянова в камере претензий нет – Яхина так видит, а знакомиться с историческими материалами ей некогда. И эта ее черта проявит себя в романе многократно.

Яхина топчет историю по-прилепински «убедительно, серьезно и глубоко».

Крымских татар и греков на пару лет раньше депортировать? Да легко! И вот уже в 1942 году поехали

разлюбезные «смуглые люди» в Сибирь-матушку. Зачем? А заранее, оказывается, их выселили, профилактически – чтоб те не перешли на сторону врага. Правда, не особо понятно, отчего Яхина мелочится и только крымчан выселила. Могла бы пораньше, еще в 1941 году выселить всех из... ну не знаю... да хоть из Белоруссии: армян из Мозырского района, азербайджанцев из Оршанского, литовцев из Островецкого, татар вообще из всех районов, для весу, кучности и солидности.

Впрочем, у Яхиной Красная армия в июне 1945 года квартируется не где-нибудь, а в самом Париже, откуда и шлет один из ее бойцов на родину солдатское письмо-треугольник...

Тут уж пенсне свое я просто пополам сломал в отчаянии. Много ахинеи читал про войну, но вот про Красную армию под сенью Эйфелевой башни – это новое слово в науке и технике! Спасибо, Гузель Шамильевна!

Часть 2

Редакторов Яхиной ругать не хочется – я глубоко убежден, что за такие вещи целиком и полностью несет ответственность именно сам человек, пишущий текст.

Тем более авторесса в одном из интервью прихвастнула:

«После написания романа мы провели так называемый «факт-чекинг»: специалист-историк вычитал рукопись на предмет выявления каких-либо неточностей, но не нашел каких-то грубых ошибок».

Печально. Если Яхина еще и денег заплатила этому «специалисту-историку» за «работу», то однозначно наша милая дама стала жертвой мошенника. Впрочем, роман «Зулейха открывает глаза» обласкан столь тщательно и всесторонне, что нельзя исключать и варианта консультации у таких светил, как Пихоя или даже украинский Белинский. Этим, по крайней мере, можно объяснить весьма своеобразную «глубокую историческую достоверность» текста.

Причем свое умение и желание рыться в различных «исторических фактах» Яхина и сама охотно демонстрирует в тексте при любой возможности.

Так, отсидев месяц с небольшим в тюрьме, ее героиня здорово наблатыкалась в юридической сфере. Во всяком случае, едва она выходит из камеры и видит бодрых конвоиров, как сразу отмечает:

«Винтовки в руках наперевес – в полном соответствии с параграфом семь инструкции номер сто двадцать два бис четыре от семнадцатого февраля тысяча девятьсот тридцатого года «О режиме конвоирования бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов».

Вот этот «параграф бис четыре» авторессе было не лень в голову неграмотной деревенской тетке-татарке засунуть, тут она постаралась и наверняка довольной собой и своей эрудицией осталась.

Её Зулейха и технически здорово подковалась в тюрьме. Потому что едва за спиной с визгом задвинулась дверь вагона, лязгнули засовы и стало темно, так она сразу понимает, что попала она в:

«телячий вагон (или, по-народному, теплушка) номер КО 310048, грузоподъемностью двадцать тонн, плановой вместительностью сорок человеческих или десять конских голов, укомплектованный пятьюдесятью двумя переселенцами».

А все потому, что при написании романа Яхина, по ее признанию, не поленилась поехать «в Музей железнодорожного транспорта и долго стояла там перед телячьим вагоном».

Проникнемся. Перед нами серьезный и важный для пишущего человека поступок - изучение жизненного материала.

Вот это стояние перед вагоном, как перед новыми воротами, и вылилось в итоге в горделивый канцелярит насчет грузоподъемности и вместимости, данных нам в ощущениях деревенской женщины. А для «живости картинки» в вагон были посажены картонные крестьяне, жестяные старички-интеллигенты и карикатурно-сериальный «блатарь», один-единственный на весь вагон. Он там у переселенцев исполняет роль шута и массовика-затейника, и первый же его артистический этюд таков:

«Снимает с ноги грязный, расплзающийся на швах ботинок и протягивает: поддержи-ка. Долго разматывает портянку и наконец достает бычок, спрятанный между пальцами ног. Вставляет в рот, любовно накручивает портянку обратно, обувается. Прикуривает из буржуйки и пускает дым Иконникову в лицо».

Ну а чего ж не из еще более надежной нычки вытащил-то, из той, где никогда не светит солнце? При этом этапников в тексте вообще не обыскивали. Нарушив параграф восемь инструкции номер сто двадцать два дробь пятнадцать бис четыре, просто вывели из тюрьмы да отвели на станцию, как детсадовцев в зоопарк. С узелками и даже с клеткой-переноской для кошки (самой кошки, слава богу, нет – ее съели в камере уголовники, и на том спасибо!). Но блатарь есть блатарь – ему сама блатная природа велит «бычок» хоть куда-нибудь, да запихнуть себе. «Во избежание» - это выражение Яхиной нравится и она его много-много раз в тексте использует.

Весь подобный «убедительный и глубокий» бред авторесса, повторю, добавляет для «картинки» и «правдоподобности». Там еще и про интеллигента будет, весь этап читающего у окошка вагона книжечку. Сквозь золотое треснувшее пенсне. Блатной урка там где-то внизу шебуршится, а старичок с Зулейхой у козырного окошечка. Ну, прям как Али Бабаевич из «Джентльменов удачи». Все верно – в камере и в этапном вагоне закон

один – у кого пенсне, тот и пахан.

И много еще всего любопытного, много случится «правды жизни» (в понимании похожей на банковскую служащую Гузель Яхиной и похожего на Гошу Куценко Захара Прилепина).

При этом Гузель Яхина подозрительно склонна к какой-то нездоровой тяге к ненужным и не имеющим никакого значения деталям в виде всяких параграфов «бис четыре» и двадцатитонных вагонных грузоподъемностей. А в качестве компенсации этой своей мелочливой дотошности - лихо сдвигает любые исторические даты и вообще направляет Красную Армию на Париж.

Яхина умудряется не просто во всем подряд ошибаться, а упорствовать в ошибках. Если уж ей втемяшится, что револьвер у «красноордынца» Игнатова шестизарядный, так она и будет про это талдычить, разные примеры приводя: то тетеревов набил он «шесть штук, по количеству патронов в барабане», то прилюдно заряжает оружие, показывая каждый патрон и поясня, кого он им застрелит, если что. Сначала два показал, потом вложил еще четыре.

Справедливости ради следует отметить, что слово «наган» не упоминается. Но никаким другим револьвером обычный «красноордынец» того времени не мог быть укомплектован. Во всяком случае, в шестизарядный «Кольт-Миротворец» у коменданта я не поверю.

Казалось бы – если было время постоять перед телячьим вагоном, должно найтись и время на пару кликов в поисковике. Зайти на форум любителей оружия, спросить знающих людей. В идеале – съездить с кем-нибудь в стрелковый клуб. Заодно, кстати, там втолкуют и насчет ружья, с которым ходят на белок и тетеревов, но из которого героиня романа в легкую укладывает медведя (причем держа ружье в руках первый раз в жизни). А если уж и стоять перед телячьим вагоном, предаваясь сладким сценарно-литературным грезам о нелегкой судьбе ссыльных и переселенцев, то опосля следует все же очнуться, чтобы не писать, не приходя в сознание, о том, что «в пути и во время стоянок вагонную дверь разрешалось приоткрыть немного, а при въезде в населенные пункты полагалось запереть на два засова». Кем и кому разрешалось? Конвой разрешал подконвойным «приоткрывать дверь»? А за чаем и беляшами для подопечных конвоиры не бегали на станциях?

С этими засовами авторесса еще добавит жару.

Там, видите ли, на одной из длительных стоянок случилось вот что: птичка решила свить гнездо под крышей вагона. А опереточный блатной решил птичку изловить и съесть. Вдруг раздался удар и грохот...

«Это Зулейха ударила длинной крепкой доской, вынутой из железных скоб на двери, по потолку вагона.

Проводила пичужку глазами, вернула доску на место, отряхнула ладони».

Я впечатлен. Не столько спасением птички, сколько тем, что вагон ссыльных и переселенцев мог, по мнению авторессы, запирается изнутри засовами. Ну, правильно: «наш вагон - наша крепость!» Хотим – откроем, а хотим – закроемся от всей чекистской напасти. А то достали уже, со своими беляшами, спать мешают, да и от чтения книжечки отвлекают...

Кстати, имея засовы и разрешение от конвоя «немного приоткрывать дверь во время движения», яхинские этапники легких путей не ищут и предпочитают засовами продолбить в потолке вагона дыру, чтобы вылезти на крышу и оттуда уже прыгать на полном ходу в манящую свободой и звездами ночь... Чекист Игнатов, отвечающий за весь поезд, получает за допущенный массовый побег лишь легкий устный нагоняй. О том, чтобы снять его с должности и наказать по всей строгости - и речи нет, ведь он нужен тексту для зарождения к нему любовных чувств у главной героини.

А известно, что миром правит Любовь – ну вот и обошлось все хорошо. Так в кино положено, в хорошем и правильном кино, которое для широких народных масс. Значит, и в книге так будет!

Вагон-теплушка нашей авторессе так пришелся по нраву, что она в нем своих героев, тех, что не рискнули сбежать, провозила по стране целых полгода. Полгода! Правда, с длительными стоянками, так что угля большевики пожгли в паровозе много, но не так, чтоб под крупное вредительство попасть. А безвылазно просидев в «теплушке» эти самые полгода, герои книги потом покидают ее, как покидаем мы дачный туалет – вышли и пошли по своим делам,

Вот люди, которых шесть месяцев в телячьем вагоне якобы мотало по всем ж\дорогам страны, слышат команду «Выходи-и-и!» и реагируют на происходящее:

«Что? Как? Это нам? Уже приехали? Не может быть... Никогда не был в Красноярске... Как вы думаете, нас оставят здесь или повезут дальше? Куда подевалась моя книга?.. Возможно, нас просто переселяют в другой состав?»

Убедительный, глубокий, серьезный роман – не обманул Прилепин. Даже жаль, что его слова на обложку под словами Улицкой не поместили. Хорошо бы смотрелось.

Если склонной к кинокартинкам авторессе покажется что-то красивым и нужным – будьте уверены, все будет. Будет и фуражка красоваться на герое, который перед этим чуть не утонул в реке Ангаре – очевидно, выловят ее,

высушат и будет герой постоянно ее то нахлобучивать, то поправлять. Потому что красиво же – чекист, фуражка...

Ну а как же. Яхина художественную деталь ценит не меньше меня.

Вот идет наша Зулейха на охоту, в чем-то пиджаке. Пиджак будет описан подробно: «в крупную светлую клетку, с широченными плечами, двубортный». Но Яхина не будет Яхиной, если не вспомнит о том, что нужна еще более мелкая, но очень убедительная деталь. И вот неграмотная Зулейха отмечает на «блестящих темно-голубых пуговицах... мелкие непонятные буквы хороводом: Lucien Lelong, Paris».

Русская-то азбука ей, помните, интуитивно понятна – она читает любые надписи без проблем. А вот пуговичные буквы – это другое совсем, они непонятны, при этом она их все разбирает и нам сообщает.

Одно радуется, что авторесса не всучила в руки своей героини китайский термосок с веселым хороводом иероглифов на крышечке: 高质量保温杯 · 中国制造.

А могла бы и дать ей почитать. Для детали и глубокой убедительности.

Несмотря на все перечисленное выше, нельзя сказать, что роман Яхиной однозначно плох. Есть в нем и весьма хорошие эпизоды.

Самая удачная и интересная часть текста – это «таежная». Сибирская робинзонада, выживание в условиях суровой природы и без привезенных с собой ресурсов. Вот в этой части наконец-то раскрывается на некоторое время способность Яхиной создать бодренький текст в жанре приключенческой беллетристики. Несмотря на многочисленные несуразности и огрехи и тут (без них Яхина писать не умеет – слишком трепетно относится к написанному собой и переписывать текст по десять раз, как советовал авторам Максим Горький, а так же изучать жизнь на практике она не хочет), читать становится интересно и на небольшое время герои книги вдруг оказываются живыми, пусть и не особо достоверными – но приключенческий жанр позволяет вольности, поэтому не будем излишне строги.

Но и эту, самую удачную часть текста Яхина умудряется испортить. Например, легендой о птице Семруг. Зулейха, ранее умевшая изрекать лишь короткие бытовые фразы и вдруг заговорившая высоким штилем, рассказывает сыну нелепую в своей протезной претензии на «красивость и смысл» историю. Авторесса делает прыжок к роялю в кустах – Зулейха, мол, рассказывала легенду «так, как выучила в детстве от отца, слово в слово». Поэтому героиня и шпарит высоким слогом: «блистательно красив» «подножие вождельной горы», «остались лежать бездыханными», «чей ум не был пытливым»... В виде художественного приема, показывающего открытие глаз героини и ее развитие, это не канает – оттарабанив вложенную ей в уста легенду, Зулейха облегченно вздохнет и вернется к своей обычной манере говорения, которая разве что самую малость сложнее возгласов «Абырвалг!», «Примус!» и «Москвошвеля!»

Вообще речь всех героев на протяжении всей книги звучит ужасающе деревянно, так живые люди не думают и не говорят. Заведующий хозяйственной частью в поезде с этапниками смотрит на то, как накладывают кашу в ведра и «мстительно размышляет»: «Так и есть... Грозный зверь-комендант оказался на поверку банальным взяточдателем». Хорошо хоть мысленно руками не всплескивает, и на том спасибо.

Все, что касается темы «сын главной героини» - крайне нелепо, от старательного авторского сюсюканья по любому поводу, с засильем уменьшительно-ласкательных суффиксов, до сцен совместного сна шестнадцатилетнего верзилы-сына и его мамы в одной кровати. Про изучение сынишкой французского языка, основ анатомии человека и живописи в поселке переселенцев на реке Ангаре лучше даже не упоминать.

Серьезная работа над текстом Яхиной не велась. Вернее, Яхина попросту не умеет работать над текстом, а редакция по какой-то причине решила эту работу ей не рекомендовать и сама устранилась от работы. В одном из отзывов на «Зулейху...» я наткнулся на такие слова: «Текст был опубликован без цензуры». Не знаю, что имел в виду рецензент, но предположу, что под «цензурой» подразумевалась редакторская правка, которая тексту крайне необходима.

Но еще более необходима тексту авторская воля к серьезной работе, знанию жизни и умению эту жизнь убедительно изобразить.

Печально, что сырому и недоделанному тексту выдали престижные премии «Большая книга», «Ясная поляна» и объявили настоящим литературным событием.

Но эту печальную правду мы должны стойко принять, как ту самую правду жизни, за которую ратуем.

Вот так обстоят дела нынче с отечественной литературой, хотим мы этого или нет.

Время интеллигентов в пенсне безвозвратно ушло. Нынче модны авторессы в стильных модных очках, подсовывающие нам свои «дебютные тексты».

Но совсем печально вот что: эти дебютные тексты влиятельными людьми из книжного бизнеса подсовываются нам, читателям, под видом Настоящей Литературы, Культурного События и Убедительного, Глубокого, Серьезного Романа.

Книги, подобные «Зулейха открывает глаза», конечно, имеют право на существование. По сути, перед нами ведь заурядная беллетристика, написанная более-менее сносным языком (для нынешней беллетристики, оговорюсь сразу). Но беллетристика любительская, по-простому – графоманская. Это глупая приключенческая книга со всеми характерными признаками: картонными персонажами без малейших признаков развития, отсутствием логики в поступках и событиях, вольным обращением с историческим материалом, и сюжетом, скроенным по законам бюджетных душщипательных сериалов. То есть в этой книге есть практически все то, что так любят широкие народные массы.

А широким народным массам, как известно, Белинский с Гоголем не нужен. Раньше были нужны Блюхер с глупым милордом, сегодня нужна умничка Яхина.

Иногда читатели говорят: ну что ты, злобный и завистливый зоил, вечно придираешься ко всяким мелочам, к деталям каким-то – ведь в художественном тексте не это важно, а – идея, порыв, настрой, звучание струн души! Как верно заметил один мой коллега, когда мы слушаем песню о солдате, у которого враги сожгли дом и сгубили семью, нам не хочется, чтобы в последнем куплете исполнитель вдруг выдал: «А на спине его зияла / Медаль за город Бухарест».

Казалось бы – ну ошибся, ну не на спине... ну не зияла, а светилась... ну не за Бухарест, а за Будапешт, ну, не на спине, да... Но ведь как спел! Какова идея! Звучание! Исполнение!

Но не хочется нам таких ошибок от поэтов и певцов.

А если такого не хочется – значит, дело не в «заклепочничестве», не в придириках к «мелким деталям».

Дело ведь в уважении к читателю, к слушателю, к истории, к жизни.

Без этого уважения – нет ни хорошего автора, ни хорошей книги.

См. «Национализм и литература»

<https://proza.ru/2020/04/14/1845>